

гично вытекает необходимость принесения ему жертвы, которую архаичный коллектив должен был воспринимать не как потерю одного из своих членов, а как счастливую возможность (или счастливую необходимость) обратить на себя внимание благого повелителя нижнего мира, заручиться его благосклонностью.

Сочувствие рассказчицы героине сказки основано на её способности сопереживать любому женскому горю, а тем более такому, как потеря мужа-кормильца. Однако очевидно, что именно эта способность и позволила ей сохранить в памяти текст сказки, а вместе с ним мифопоэтические образы и мотивы, став, таким образом, «катализатором» сохранения уходящих в глубокую древность корней этого памятника народной словесности¹.

К. В. Бабковская

БАЗАР КАК ФОЛЬКЛОРНЫЙ ЛОКУС

The article attracts attention to a market as a trading place rich in traditional folklore. Fairy tales written down at a market affirm the author's hypothesis.

Key words: naive art, fairy tale, market, tradition, folklore.

Рыночные площади на Руси были важнейшим местом, определяющим движение народной жизни. Здесь слушали царские указы, казнили, и здесь народ справлял праздники: «Почти всегда, где был торг, там был суд и расправа и торжественный праздник»². Рынок, а первоначально он назывался торгом, издавна был пространством, где ярко проявлялась самобытность той или иной нации. К середине XVIII века в крупных городах России складывается особая форма площадной культуры городских низов – культура ярмарочных народных гуляний. Заботясь о спокойствии в государстве, сами власти способствовали преумножению народных увеселений. Так Екатерина II говорила: «Народ, ко-

¹ В этой связи следует отметить, что от З. В. Цветковой помимо рассматриваемой сказки было записано более десятка фольклорных текстов разных жанров (сказки, предания, легенды и частушки). Публикацию некоторых из них см.: Фольклорные тексты из фондов ВИЭМ / Публикация В. В. Кузнецова // Новоторжский сборник: История, этнография, культура / Сост. В. В. Кузнецов. Ред. В. М. Воробьев, М. В. Строганов. Торжок: Изд-во М. Батасовой, 2009. Вып. 2. С. 142–143.

² Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. М.: Издание книгопродавца М. Березина, 1880. С. 1.

торый поёт и пляшет, зла не думает»¹. Ярмарка была своеобразным фольклорным локусом, где рождались и развивались народные традиции: ряженые на святках, катание с ледяных гор на масленицу, качели на Пасху, хороводы и венки на Троицу. Разгулявшемуся народу торговцы предлагали всевозможные напитки и угощения, а в качестве зрелищ были балаганы, райки, кукольный театр Петрушки, медвежья комедия. Торги и гулянья происходили обычно на центральных площадях города. Так М. Забылин пишет, что в Москве при Петре I масленичные торжества справлялись близ Красных ворот, а до конца XVIII в. катание о масленице производилось на Москве-реке и на Неглинной от Воскресенских до Троицких ворот, где ныне разбит Александровский сад. В Петербурге масленичные гуляния устраивались на Исаакиевской площади².

В Твери такие ярмарки, конечно, тоже существовали. А. В. Чернышов считает, что, «в XIII–XV вв. роль рыночной, вероятно, играла центральная площадь кремля; в пользу этого предположения говорит тот факт, что городские кузницы в период независимости Тверского княжества располагались на территории кремля. Кузнецы в средние века были неотъемлемой частью любого крупного рынка и вряд ли могли находиться в отдалении от него. В XVII же веке главный тверской рынок уже шумел за кремлевскими стенами, в прилегающей к ним части Загородного посада (в районе современного входа в городской сад, библиотеки им. Горького и драматического театра)»³. Кроме того, сохранились свидетельства, что ещё в XIX в. в Твери существовал народный обычай хоронить Ярилу, персонажа славянской мифологии, связанного с идеей плодородия. Этот ритуал совершался 24 июня вблизи т.н. Трёхсвятского сада, на речке Лазури. «Празднество Яриле, или Яруле, уничтоженное ревностью архипастырей Мефодия и Амвросия в XIX веке, начиналось с первого воскресения, после Петрова дня, в Трёхсвятском саду, куда вечером собиралась молодёжь, из горожан и других жителей слобод и посада, и плясали *бланжу* (танец из восьми пар), под балалайку или другой инструмент. Пользуясь этой возможностью, туда отпускали по-нынешнему мещанки, а по-прежнему репужницы (вероятно, от слов *репу жрут* или *от репы живут*), своих дочерей поневеститься»⁴.

¹ См.: Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII – начало XX века. Л.: Искусство, 1988.

² Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. С. 37.

³ Чернышов А. В. Очерки по истории Тверского княжества XIII–XV вв. Тверь: Тверской фонд культуры, 1996. С. 278.

⁴ Цит. по: Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. С. 37.

Постепенно, в связи с историческими обстоятельствами, ярмарочная культура пришла в упадок, и хотя сейчас, в XXI в., базар существует, он совершенно другой. Если в прошлом на ярмарках совершались народные гулянья, производились обряды, показывались театральные представления, то сейчас рынок выполняет только роль торговой площадки, а эстетический, культурный момент носит случайный характер. Хотя вне зависимости от эпохи, место, где волей случая сталкивается большое количество народа, волей-неволей становится фольклорным локусом. Ведь до сих пор, на входе в тверской Центральный рынок нас зазывает русская гармонь, а народ во всех его проявлениях тащит на продажу из закров приметы прошлого. Чего только и каких только человеческих типов здесь не встретишь, и какого только русского (в том числе и бранного) слова не услышишь. Жители областного центра, как правило, со средним и ниже среднего доходом, несмотря на большое количество бутиков и супермаркетов, по привычке предпочитают покупать всё необходимое на рынке, т.к. считают, что там дешевле и можно поторговаться. На рынок выходного дня съезжаются торговцы со всей области, в том числе и из глухих уголков. Это хорошая, а порой, чуть ли не единственная возможность подзаработать для жителей провинции. Рынок – пространство, аккумулирующее фольклор. Сюда едут наши информанты, таким образом, базар – это благодатная почва для собирания фольклора.

Здесь я и познакомилась с бабой Томой и попросила рассказать сказку, объяснила, что нужны те, которые не в книжках встречаются, а люди передают друг другу. Она спросила: «По старинушке, что ли? От бабушки?» – и начала¹. Баба Тома, Тамара Васильевна Сумина, родилась в деревне Кузьминка Рамешковского района в 1931 г. Жила там до 23 лет, работала в колхозе (как она говорит, яму строила), потом в город уехала. Сейчас, по её словам, в деревне осталось всего три дома. Баба Тома рассказала одну историю с особым трепетом, потому что, по её словам: «эта сказка старинная-старинная, у нас она осталась из головы (то есть не из книжек), её поведала бабушка, а той бабушке её бабушка». С ней связано очень интересное обстоятельство. В доме Суминой и до сих пор сохранилась картина (хотя баба Тома называет её не картиной, а портретом), глядя на которую, из поколения в поколение рассказывали следующую сказку:

«Жили дед с бабкой. У них очень плохой дом был. Это было зимой. Бабка говорит: “Старик, чё сидишь, крыльцо-то всё упало. Бери рубанок и настрагай доски”. Старик говорит: “Ладно, одеваюсь”. Он надел старинную шубу, валенки и стал строгать доски. Откуда ни возъ-

---

¹ Записи сделаны 27 января 2009 г. на Центральном рынке г. Твери. Архив автора.

мись, пришёл внук из дома с гармошкой. Стал играть, а дед бросил рубанок и стал плясать в валенках. А младший сидел внук и тоже заплясал. Бабка прибежала:

– Старый ты чёрт! Надо работать, а ты пляшешь!

– Как же мы можем не плясать? Попляшем, и ещё лучше будем работать.

Старуха говорит: “Ну, смотри, а то мясом не накормлю!”»

Получается, что описание картины (возможно, репродукции), благодаря народному вымыслу, превратилось в бытовую сказку с изустной передачей и желанием рассказать точь-в-точь, как бабушка поведала. Хотя язык рассказчицы не богат: используются простые конструкции, и сохранилась практически только сюжетная канва: «Смотри, а то мясом не накормлю!»

Хотя в действительности это вовсе не сказка, а просто описание картины с элементами вымысла, в восприятии бабы Тома это сказка, и информант использует сказочные формулы: «жили-были», «откуда ни возьмись». Мы имеем дело, если можно так сказать, с семейным фольклором, ещё одной формой бытования сказки – посредством зрительных образов. К сожалению, нам не удалось определить, что это за картина, но, по всей видимости, это образец наивного искусства.

Вторая сказка, которую рассказала мне баба Тома, – «Золотая рыбка»:

«Жили бабка с дедкой у синего моря. Бабка и говорит деду: “Чё ты сидишь дома? Иди ловить рыбу!” Дед взял удочки и пошёл ловить рыбу. Сидит он у моря, и попалась не простая, а золотая рыбка. И говорит человеческим голосом: “Дедуля, чего тебе надо?” А он ничего не попросил, а наловил простых рыбок и приехал к бабке: “Бабуля, чё это мне рыбка говорит: ‘Чего тебе надобно, дедуля?’” А она его ругает: “Иди-езжай обратно, у нас дом плохой, корыто надо мне, корыто!”

Приезжает к рыбке.

– Что тебе, дедуля?

– Корыто.

– Будет тебе, дед, корыто.

Дед говорит бабке: “Привёз корыто”.

А она: “Простофиля-дурачок! Нам бы дом надо отремонтировать, езжай обратно! Проси, чтобы дом нам отремонтировала”.

Сидит. Приплывает рыба.

– Чё тебе опять угодно? Чё опять ловишь меня?

– Да у меня дом худой, нам бы дом надо отремонтировать.

– Что ж, – говорит. – Отпусти меня, езжай, будет дом построен!

Наловил простых рыбок. Едет, увидел лису. Он её стукнул, вроде убил её и положил на сани. И едет, радуется. Старухе будет хороший воротник! Едет, радуется и песни поёт. Подъезжает к дому: “Вот, привёз тебе воротник!” Бабуля обрадовалась, бежит.

– Ну, где?

А лиса всю рыбку перекидала и убежала (притворилась она, как будто мёртвая). Старуха ругать его стала. Старик говорит: “Опять поеду рыбку ловить, может, опять попадётся рыбка золотая”.

– Моя старуха гонит меня из дома. Что мне делать, не пускает меня в дом?

Он мучился, около дома ночевал, она его не принимала. Пока он жаловался, рыбка говорит: “Бабка стала царевной и не стала принимать деда, она жила с другим любовником”. А рыбка рассердилась и у ней всё нарушила. Деда пожалела и всё разгромила».

Сюжет сказки традиционный: дед ловит золотую рыбку, которая выполняет желания старухи, начиная с корыта. Финал – баба остаётся ни с чем. Вариант, рассказанный бабой Томой, показался интересным тем, что, во-первых, вместо книжной версии обращение рыбки к деду: «Что тебе надобно, старче?», здесь звучит по-простонародному: «Чего тебе надобно, дедуля?» Бабка ругает старика: «Простофиля-дурачок!» Рассказчица словно объясняет, что означает слово *простофиля*, и усиливает характеристику. Примечательны и сюжетные детали. Внутри сказки имеется вставная конструкция: лисичка на возу с рыбой¹. Оказывается, вот кому вёз старик воротник – жадной старухе. Необычным показалось и окончание сказки: рыбка наказывает старуху и лишает её всего не потому, что та захотела быть владычицей морской, а потому, что она обидела деда – не пускала его в дом, завела любовника. Финал сентиментальный: рыбка стало жалко старика.

Сюжет по сравнению с книжным (пушкинским) вариантом и вариантом в сборнике А. Н. Афанасьева², более прозаичен, старуха не просит сделать её владычицей морской, а ограничивается ремонтом дома и, вследствие её нового положения, любовником. Таким образом, мы имеем тверской вариант, несколько отличный от хрестоматийных версий, хотя и менее полный, что в какой-то степени можно объяснить и обстоятельствами записи материала: зима, холод, к тому же баба Тома пришла на рынок с целью продать определённый товар. Несмотря на то, что рассказчица была предупреждена о том, что необходим как можно

¹ Ср.: Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. С. 25. № 1.

² Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М.: Художественная литература, 1958. Т. 1. № 75. С. 106.

более полный материал, она явно торопилась и могла опустить детали. Но всё же нам повезло, и мы столкнулись с носителем традиции.

Обобщая сказанное, можно констатировать, что в наше время, когда деревня становится «уходящей натурой», её энергия аккумулируется в городе на базарах. Хотя сейчас рынок по большей части является просто торговой площадкой, там до сих пор проявляются ситуации, герои и формы разноликого фольклорного творчества. Рынок не производит традиции, он только является фольклорным пространством, где они хранятся, так сказать, в законсервированном виде, таким образом, есть возможность их реанимировать.

А. В. Шитков

СТАРИЦКАЯ ДЕРЕВНЯ: ЛЕГЕНДЫ, ТРАДИЦИИ И УКЛАД

The article deals with etiological, etymological, cultural, religious legends and traditions concerning different rural settlements in Staritsa district of Tver region.

Key words: archive, legend, tradition, folklore, ethnography.

В 2007 г. к 710-летию юбилею города Старицы была издана двухтомная энциклопедия «Тверская деревня. Старицкий район», над ним работали свыше 100 учёных, краеведов, учителей, работников культуры, студентов, ветеранов войны и труда. При подготовке энциклопедии использовались статьи и исследования краеведов, материалы областной и районной периодической печати. Но основной материал для энциклопедии дали архивные изыскания. Особенно много нужных и полезных сведений было найдено в Государственном архиве Тверской области, в фонде 800 (Тверская губернская земская управа). В делах 6939–6953 описаны все населённые пункты волостей Старицкого уезда. Следует указать, что большинство исторических сведений по данным населённым пунктам по каким-то причинам не вошли в известный «Сборник статистических сведений по Тверской губернии», четвёртый том которого содержал материалы по Старицкому уезду (1890). А ведь в обнаруженных делах были не только статистические данные о населённых пунктах, но и описаны легенды и предания о происхождении названий деревень, быт и занятия селян, обычаи, традиции и уклад крестьян, местный говор.

Приведём некоторые примеры. Жители деревни Болдырево Емельяновского сельского округа до сих пор произносят её название без буквы *ы* – *Болдрев*. Это связано с легендой, что возле Утиног пруда некогда стояла громадная развесистая сосна. Из двух корней: *бол*